

Brandner, Aleš

Неизменяемые прилагательные иноязычного происхождения в современном русском языке

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 2001, vol. 50, iss. A49, pp. [107]-118

ISBN 80-210-2600-6

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101770>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АЛЕШ БРАНДНЕР

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

История русского языка позволяет говорить о ряде перемен, которые в своей совокупности свидетельствуют о проявившихся тенденциях в развитии грамматической системы. Причины наметившихся изменений, с одной стороны, объясняются влиянием законов о действиях внутренних сил в развитии языка, а с другой стороны, явлениями социальными – активным взаимодействием литературной и внелитературной речи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Действие внутренних закономерностей языка представляет собой, например, стремление к аналитизму. В литературе последних лет оно рассматривается как одна из наиболее определенных тенденций развития современного русского языка (ср. Бартошевич, 1978; 1979).

Склонность к аналитизму является характерной чертой для русской морфологии и синтаксиса, начавшей проявляться особенно во второй половине XIX в. Аналитизм находит свое выражение в расчлененности лексического и грамматического компонентов некоторой формы. Основным признаком аналитических единиц является то, что у них грамматическое передается вне пределов данного слова, т. е. средствами контекста (в широком смысле). Этот феномен объясняется воздействием аналитических западноевропейских языков. Данную направленность можно рассматривать как одну из форм проявления «интернационализации», т. е. сближения с другими европейскими языками.

Впервые такое положение высказал В. В. Виноградов (1938, 438; 1972, 139–140; 544–545). Однако его гипотеза в свое время не получила резонанса в лингвистических исследованиях (ср. Тираспольский, 1981). В 60–70-е гг. идея об «аналитизации» русского языка была оживлена в работах, посвященных русскому языку XX в. В качестве доказательства здесь обычно используются следующие формы и явления: формирование и активизация особого подкласса имен существительных общего рода, уменьшение падежных различителей (ср. *один цыган – много цыган*),

расширение круга несклоняемых существительных, усиление группы двувидовых глаголов типа *механизировать*, формирование класса неизменяемых (аналитических) прилагательных, распространение т. наз. вербономинальных сочетаний типа *оказáть пóмощь*, активизация именных и описательных глагольно-именных форм сказуемого (ср. *Все двíгались > Все бýдили в движéнии*). Отмечая явления роста аналитизма в современном русском языке, следует обратить внимание на одно весьма важное положение: развитие в направлении к аналитизму вызывает, как следует из выше указанного, изменения особенно в области морфологического строя, однако определенным образом сказывается также на других уровнях языка (ср. Бартошевич, 1979). Морфологическое развитие к аналитизму в значительной степени сопряжено с известной тенденцией к агглютинативности, понимаемой как стремление деривационных морфем вести себя независимо по отношению к окружающим морфемам.

Предметом нашего исследования являются неизменяемые (аналитические) прилагательные, имеющие т. наз. омонимичные формы. К ним относятся прежде всего иноязычные заимствования. Неизменяемыми они являются по отношению к категории падежа. Они не изменяются также по числам и родам. За последние полвека они сложились в русском литературном языке как особый подкласс данной части речи (ср. Панов, 1971). Лексикографией отмечено их наличие уже в XIX в., а в первой половине XX в. они были засвидетельствованы как лексикографией, так и исследованиями по морфологии и синтаксису русского литературного языка (ср. Мельников, 1978). В академической *«Грамматике русского языка»*, изданной в Москве в 1952 г., еще, однако, не было упоминания о несклоняемых (неизменяемых) прилагательных в русском языке. Неизменяемые прилагательные иноязычного и современного русского происхождения были исследованы в книге *«Морфология и синтаксис современного русского литературного языка»* (ИРЯ АН СССР, Москва, 1968) в главе с заголовком *«Образование нового грамматического класса слов»* (т. е. класса аналитических или же неизменяемых прилагательных – с. 105–134). Академическая грамматика русского языка, изданная в 1970 г. (*«Грамматика современного русского литературного языка»*, Москва, «Наука», 1970), включила в раздел морфологии сжатую информацию о существовании в языке категории неизменяемых прилагательных (ср. с. 513). Подобно обстоит дело в последнем издании академической грамматики русского языка (*«Русская грамматика I»*, Москва, «Наука», 1980). В главе, посвященной имени прилагательному, содержится короткий раздел с заглавием *«Нулевое склонение»* (см. с. 556). В нем перечислены наиболее распространенные несклоняемые прилагательные с нулевыми флексиями (всего 69 лексических единиц). Они послужат нам в настоящей статье, которая посвящается проблематике их функционирования в языке, в качестве иллюстративного материала.

Неизменяемые (аналитические) прилагательные, подобно как и несклоняемые существительные, являются по своему происхождению преимущественно иностранными словами. Они лишены родовых различий, нередко причислялись к существительным и наречиям. Несклоняемые прилагательные выполняют функцию определителей при существительном, однако они не имеют обычной для прилагательных морфологической оформленности. Они лишены внешних морфологических примет своей категории (ср. Мельников, 1963). Выражая признак в отвлечении от форм рода, числа и падежа, такие прилагательные свою отнесенность к имени проявляют простым примыканием, аналитически, ср. *азбука морзе, концерт-гала, стиль модэрн, брюки гольф* „*golfsky, pumprku*“, *лак бордб, бельё трико, товар импорт, вес нетто, магазин люкс, юбка клэш, рубашка апаш* „*košile se širokým otevřeným límcem*“, *цвет хаки, язык хинди, народ коми, кофе мокко, часы пик, пальто реглан* „*raglánový plášť*“ и пр. Из приведенных примеров следует, что для них характерна особенно постоянная постпозиция, причиной которой является их формальная неизменяемость (ср. синонимы *беж* и *бэжевый* – *түфли беж* х *бэжевые түфли*; *бордб* и *бордбый* – *платье бордб* х *бордбвое платлье*); есть, однако и случаи препозиции, ср. *хинди язык* (наряду с *язык хинди*), *коми литература* (наряду с *литература коми*) и пр.

Неизменяемые имена прилагательные бывают качественные (ср. *цвет хаки*) и относительные (ср. *соус томат*). Они не образуют степеней сравнения и не имеют форм оценки. В словосочетании они участвуют, но не приобретают соединительного гласного (ср. *удру-руско-английский словарь*). Оканчиваются они как на гласный, обычный для несклоняемых существительных, так и на согласный. Ударение они стремятся сохранить там, где оно находится в том языке, из которого заимствованы (французские заимствования – с окончательным ударением), и в соответствующих им по звуковому составу существительных и наречиях. Грамматические значения падежа, числа и рода выражаются у них синтаксически – при сочетании с другими словами. Форма падежа определяется окончанием имени существительного, падежом местоимения, окончанием изменяемого прилагательного, падежом, требуемым глаголом и предлогом, и, наконец, по смыслу предложения. Род и число – по роду и числу определяемого слова и изменяемого прилагательного в предложении. Синтаксически их характеризует то, что они способны выступать как в роли определения к соответствующему имени существительному, так и в функции предикативной. В адъективной функции их место всегда рядом с существительным или с другими прилагательными, относящимися к тому же существительному. Существительное и прилагательное в этих сочетаниях сохраняют свое ударение. Существительное, если оно склоняемое, склоняется, а прилагательное, будучи неизменяемым, нет. В написании отдельных сочетаний прилагательных с существительными наблюдаются колебания: они пишутся и раздельно, и через чертошку (ср. *стиль модэрн, цвет бордб, концерт-*

галá, галá-представлѣние, прогрáмма-мáксимум, брjúки клѣш и брjúки-клѣш, часý пик и часý-пик, магазín люкс и магазín-люкс ...). Иногда ставят черточку, когда неизменяемое прилагательное стоит перед существительным, а когда после существительного – нет, ср. *брýтто-прибýль, нѣтто-балáнс* „čistý zisk“, *рондó-пýсьма* „rondová n. francouzská písma“, *вес брýтто, вес нѣтто, пѣрья рондó* „rondová n. francouzská pera“. Имена прилагательные в области народоведения пишутся с определяемым существительным раздельно, ср. *урдý нарóд, комú литературá* (ср. Мельников, 1954).

Наличие в русском языке данной группы слов связывается прежде всего с определенным типом заимствованиями. Как правило, заимствования, предназначенные для обозначения того или иного рода признаков, закономерно проникающие в язык в разные периоды его развития, приспособляются к русской словообразовательной и словоизменительной системе. Наиболее интенсивным это проникновение было в XVIII-XIX вв., в период, который характеризуется особенно широким развитием категории качества и связанной с этим быстрым пополнением класса имен прилагательных (ср. Виноградов, 1972, 153).

Семантически можно неизменяемые (аналитические) прилагательные разделить на несколько групп. Прежде всего это цветообозначения (ср. *плáтье бордó* „šaty bordó“ /= tmavěčervené barvy/, *тýфли беж* «běžové střevíce“, *пальтó марѣнго* „kabát marengo“ /= z černého sukna se světlejším vláknem/, *цвет хáки* «barva khaki“), можно сюда отнести также разновидности некоторых текстильных изделий (ср. *рубáшка апáш* „košile se širokým, otevřeným límcem“, *брjúки гольф* «golfky, pumpky“, *брjúки галифѣ* „jezdecké kalhoty, rajtky“, *ýбка клѣш* „zvonová sukně“, *ýбка мýни* „minisukně“, *ýбка мýди* „midisukně“, *мáкси-ýбка* „maxisukně“, *чулкú капрón* „kapronové punčochy“, *чулкú, носкú гольф* „podkolenky“, *воротник плиссѣ* „plisovaný, skládaný límec“, *рукавá кимонó* «kimonové /vcelku střižené/ rukávy“, *рукавá реглáн* „raglánové /vsazené/ rukávy“, *рукавá-волáн* „kartýrované, volánové rukávy“, *пальтó демисезón* „svrchník, převlečník, jarník“, *дáмский костюм фантазú* „francouzský kostým“, *плáтье декольтѣ* „šaty s výstřihem“, *кружевá валансьѣн* „valencienské krajky“ /tj. ruční krajky s bohatými rostlinnými ornamenty/), сорт материи (ср. *линó батýст* „jemný batist, linon“, *рубáшка пикѣ* „piková košile“ /tj. ze stehové tkaniny/, *бельѣ трикó* „trikotové prádlo“, *ткань либертú* „látka liberty“ /= hedvábná látka/, *кóффа джерсú* „žerzejová bluzka“ /= z hedvábné n. vlněné látky/), слова, указывающие на то, как кто-либо одет (ср. *он был совсѣм дезабильѣ* „byl v nedbalkách“, *онá явилась декольтѣ* „měla hluboký výstřih“, *онá была в фáртуке и неглижѣ* „byla v zástěře a v nedbalkách“), слова, относящиеся к пище (ср. *какáо-порошóк* „kakaový prášek“, *кóфе мóкко* «moka káva“, *мáсло экстрá* „máslo nejlepší jakosti“, *картóфель фри* „opékané brambory“, *филѣ сотѣ* „filé na omáčce“, *сóус-томáт* „rajská omáčka“, *томáт-пюрѣ* „rajský protlak“, *пастá-томáт* „rajský protlak v pastě“, *сóус майонѣз* „majonéza“), далее названия в области мýзыки (*ре-бемóль* «des“, *до диѣз* „cis“, *гáмма соль-мажór* „stupnice G dur“, *сонáта фа-минór* „sonáta

f mol“, *сонáта а-моль* „sonáta a mol“, *флේта пúколо* „flétna pikolo“), театра (ср. *опера-буфф* „komická opera“, *роль травестii* „travestijní role“ (tj. podání něčeho vážného v zešměšňující podobě), *сóло-выступлénие* „sólové vystoupení“, *сонáта для скрипки сóло* „sonáta pro sólové housle“, *концёрт-галá* „galakonzert“, *галá-представлénие* „galapředstavení“), типографского дела (ср. *кнúга ин-квáрто* „kniha kvartovacího formátu“, *кнúга ин-октáво* „kniha osmerkového formátu“, *кнúга ин-фóлио* „kniha ve foliovém formátu“, *рúкописи факсúмиле* „faksimile, faksimilované /otištěné/ rukopisy“), названия языков и народов (ср. *язýк эсперáнто* „esperanto“, *язýк кóми* «jazyk komi“ „язýки бáнту „jazyky bantu“ (= původního obyvatelstva jižní a střední Afriky), *прóза хúнди* „hindská próza“, *нарóд хантý* „chantský národ, Chantové“, *литератýра урдý* „urdská literatura“, *язýк мánси* „mansijský jazyk“, *поэты суахúли* „svahilští básníci“), художественные стили и направления (ср. *стиль модéрн* „módní sloh, moderna“, *стиль рококо* „rokokový sloh“, *стиль барóкко* „barokový sloh“, *стиль ампúр* „empírový sloh“) и, наконец, специальные слова и отдельные названия (ср. *работá ажýр* „velmi jemná, mistrně provedená práce“, *лотерéя-аллэгри* „tombola“, *часы апликé* „plátované (zlatem, stříbrem, niklem apod.) hodinky“, *ценá брутто* „hrubá, celková cena“, *магазин люкс* „luxusní prodejna“, *термометр мáксимум* „největší možný měřič tepla“, *пóезд-микст* „smíšená železniční souprava“, *прогрáмма мúнимум* „minimální program“, *вес нéтто* „čistá váha“, *шестимéсячная завúвка-перманéнт* „trvalá ondulace“, *часы ник* „dopravní špička“, *посýда плакé* „plátované nádoby“, *перó-рóндó* „rondové n. francouzské pero“, *áзбука мóрзе* „morzeová abeceda“, *инженёр-элéктрик* „elektroinženýr“, *элéктрик-мехáник* „elektromechanik“, *издéлие терракóт* „výrobek z terakoty /tj. z pálené hlíny/“, *поведénие комильфó* „náležité chování /≠ jak se sluší a patří“, *поведénие молодóго человекá цýрлих-манúрлих* „strojené chování mladíka“, *мухá цецé* „moucha cece“, *вóлны-цуна́ми* „vlny cunami“ /tj. obrovské vlny na moři při silné bouři nebo při zemětřesení pod hladinou oceánu/).

Приведенный список слов, конечно, не исчерпывает весь запас несклоняемых прилагательных в языке отдельных специальностей (например, в портновском деле, пищевой промышленности и в других отраслях), в языке науки и прикладных знаний – области малоисследованной языковедами. Некоторые из выше перечисленных слов выступают и как существительные, например, *апáш* „араč, pařížský pouliční zloděj“, *ампúр* „empír“, *бáнту* „jazyková rodina původního obyvatelstva jižní a střední Afriky“, *барóкко, бордó* „bordeaux“ (vino), *волán* „volán, karnýr“, *гольф, джерси* „žerzej“ (ср. *костю́м из джерси* „kostým ze žerzeje“), *какáо, кóми* „Komi“ (národ na severu Ruska), *клéш* (ср. *ширóкий клéш* „široké zvonové kalhoty“), *майонéз, мánси* „Mansové“ (finská národnost), *марéngo* „černé sukno se světlejším vláknem“), *модéрн* „moderna“ (směr ve výtvarném umění a architektuře koncem 19. a začátkem 20. stol.), *мóкко* „moka“ (= silná černá káva), *неглижé, никé* „piké, stehová tkanina“, *рококо, сóло, суахúли* „Svahilové“ (národnost ve východní Africe), *травестii* „travestie“ (tj. парафра́зе vážného, vznešeného díla v komické poloze), *урдý* «urdština“ (státní jazyk Pakistánu a jeden

z oficiálních jazyků Indie), *хинди* „hindština“, *цунами* „cunami“ (= obrovské vlny při bouři na moři nebo při zemětřesení pod hladinou oceánu), *эсперáнто* и еще некоторые другие.

История рассматриваемых аналитических прилагательных указывает на то, что преобладающее постпозитивное употребление их в сочетаниях с существительными является традицией, сложившейся в прошлом веке. Сложилась эта традиция, видимо, вследствие влияния иноязычной модели отдельных словосочетаний и единичных лексико-грамматических заимствований; кроме того, в русском языке постпозиция обычна для неизменяемых слов в значении прилагательного (на уровне синтаксиса в роли определения) и обычна (наряду с препозицией) также для склонения слов-прилагательных, употребляемых в словосочетаниях терминологического и полутерминологического характера. Расположение прилагательного после существительного в известной степени освобождает говорящего от необходимости употребления склоняемой формы. Как уже выше отмечено, некоторые из них превратились (по форме) в русские прилагательные – *бэжевий*, *бордóвий*, *гротéский*, но многие такой русификации не подверглись. Возможность вариантного оформления слов со значением признака свойственна сравнительно небольшому числу слов, а, главное, выбор того или иного варианта не произволен, а оказывается достаточно строго заданным. Часто слово без соответствующего оформления принадлежит специальной области, в то время как слово с «обычным прилагательным» своим оформлением свойственно общелитературному употреблению. Например, *пикé*, *трикó*, *демисезóн* и т. п. в составе определенной номенклатуры (ср. *пальтó демисезóн*, *рубáшка пикé*, *бельё трикó*) и *пикéйный*, *трикотáжный*, *демисезóнный* в обычной речи; *гротéск*, *модéрн* как терминологические обозначения и *гротéский*, *модéрный* вне терминологической сферы; *минóр*, *мажóр*, *а-мóль* в музыкальной терминологии и *минóрный*, *мажóрный*, *а-мóльный* в обычном употреблении и т. п. В других случаях различие в употреблении подобных слов определяется сферой строгой литературной и стилистически сниженной речи: несклоняемые формы предпочитают до настоящего времени в книжном языке (ср. *плáтье цвéта беж*), а ассимилированные – в разговорном языке (ср. *плáтье бэжевого цвéта*).

Обособление терминологического от общеупотребительного диктуется с той большой необходимостью, что обычное прилагательное из-за семантической перегруженности, развития качественно-оценочных оттенков в значении часто неудобно для использования в терминологии, где требуется предельная точность и однозначность. Следовательно, разные способы выражения признака, хотя они и существуют параллельно, чаще всего неважозаменяемы.

Отсутствие морфологических примет категории прилагательных и характерная для аналитических прилагательных постпозиция по отношению к определяемому слову дают, однако, повод для размышления над вышеуказанной грамматической характеристикой (ср. Мельников, 1954;

1963; 1978). Как известно, прилагательное в значении определения в современном русском языке обычно ставится перед определяемым словом (существительным). Учитывая эту особенность русского прилагательного, можно было бы считать уже цитируемые слова *беж*, *бордо́* в словосочетаниях *цвет беж*, *цвет бордо́* не прилагательными, а существительными-приложениями. Однако в грамматическом отношении те же слова в таких словосочетаниях, как *платье беж*, *лента бордо́* представляют прилагательные со значением цветового названия. Цвет чего-нибудь (какого-либо предмета) в русском языке обычно обозначается прилагательным с семантикой цветового названия или сочетания, состоящим из слова «цвет» (в родительном падеже), ср. *платье беж* – *бежевое платье* – *платье бежевого цвета*; *лента бордо́* – *бордовая лента* – *лента цвета бордо́*, или существительными (ср. *ткань цвета охры*). В таких словосочетаниях, как *туфли беж*, *шляпа бордо́* и т. п., связующий элемент «цвета» отсутствует, а слово, обозначающее цвет (окраску), не является существительным. В этом можно убедиться, если поставим вместо *беж*, *бордо́* ... другое обозначение цвета, представляющее собой склоняемое слово-существительное (например, *лазурь*). Можно сказать *платье цвета лазури* или *платье цвета «лазурь»* (т. е. цвета, называемого лазурью), но нельзя сказать без слова «цвета» (т. е. по образцу *платье беж*) **платье лазури* или **платье лазурь*. Звучало бы это бессмысленно.

Другое дело представляет обозначение не цвета (цвета предмета), а сорта (изделия товара, растений и пр.). Сорт обозначается как прилагательным, так (часто) и существительным (в именительном падеже) в значении приложения (без слова «сорта»). Поэтому встречаемся во многих случаях с омонимией несклоняемого существительного и несклоняемого прилагательного: *теперь в моде плиссé* (мелкие складки) и *юбка плиссé* (с такими складками); *заварить мо́кко* (сорт кофе) и *ко́фе мо́кко* (такого сорта); *купить марéнго* (ткань черного цвета с белыми нитями) и *пальто марéнго* (черное с сероватым отливом). В сочетаниях *язык хинди*, *литература урду́*, *наро́д ко́ми* слова «хинди», «урду», «коми» – иногда толкуются как несклоняемые существительные (сравниваются с сочетаниями *язык не́мцев*, *литература францу́зов*, *наро́д удму́ртов*), а в сочетаниях *хинди язык*, *урду́ литература*, *ко́ми наро́д* – как препозитивные (относительные) прилагательные-определения (исходит из аналогичных сочетаний типа *ру́сский язык*, *ру́сская литература*, *ру́сский наро́д*). Такому пониманию могут содействовать следующие примеры: *Урду́ и кашми́рский языки́ пользуются видоизменённой фо́рмой ара́бского алфави́та*, *Он специа́лист по кита́йскому и хинди язы́кам*, *Ру́сский и ко́ми языки́ не явля́ются ро́дственными язы́ками*; употребление в этих предложениях слова «язык» во множественном числе воспринимается как свидетельство того, что слова «урду», «хинди», «коми» в данных примерах являются прилагательными.

Характерной особенностью современного русского языка является очевидное стремление предпочесть в некоторых случаях употребление

такого «адъективированного слова» образованию обычного прилагательного. Некоторые факты такого рода обусловлены структурными причинами: от отдельных слов трудно образовать соответствующее прилагательное (хотя приведенных обозначений языков типа *кóми, х́нди, урдú* становится все больше по мере углубления сношений с внеевропейским миром). Однако структурными затруднениями эти явления можно объяснить лишь отчасти. Их следовало бы рассматривать в связи с общей развивающейся тенденцией к грамматическому лаконизму, экономии языковых средств, обуславливающих рост самых различных аналитических конструкций. В самом деле, фиксированное местоположение адъективированной лексемы относительно определяемого слова ясно указывает на отнесенность к данному слову, что само по себе делает в какой-то степени излишним непременно оформление определяющего слова к прилагательному. Это, конечно, относится прежде всего и главным образом к специальным языковым сферам с характерной для них строгостью и точностью в использовании номинативных единиц и стремлением освободиться от избыточной информации.

Слова *урдú, кóми, х́нди...*, как существительные, означают названия языков. Прилагательными надо считать неизменяемые сложные слова, в которых эти выражения являются второй (конечной) составной частью, например, *ру́ско-кóми словáрь, ру́ско-урдú словáрь, х́нди-ру́ский и ру́ско-х́нди словарí*. Вторая (конечная) часть сложного слова (с дефисным написанием) в названиях переводных словарей, судя по названиям «русско-чешский словарь», «немецко-русский словарь» и т. п., представляет собой вторую (конечную) часть сложного прилагательного, препозитивно примыкающего к существительному. В русском языке группа несклоняемых слов, обозначающих языки и народы (особенно Азии, Африки, Америки) – многочисленна. Есть много слов типа «коми», «урду», «хинди» и несклоняемых сложных слов указанного типа.

Отсутствие морфологических показателей прилагательных не может быть достаточным основанием для отнесения указанных выше неизменяемых слов, употребляемых в сочетаниях с существительными и обозначающих признак предмета, не к именам прилагательным, а к существительным. При рассмотрении этих слов необходимо учитывать как семантику слова в контексте, так и грамматические и стилистические особенности той области языка, к которой слово относится (область специальной лексики, цветовые обозначения; слова типа «коми» и др.), и историю лексики (заимствованные прилагательные). При заимствовании слова обычно (или чаще всего) сохраняется его грамматическое значение определенной части речи: из иностранных языков заимствуются не только слова-существительные, но и слова, представляющие другие части речи, особенно в лексике, заимствованной из близкородственных языков. Неоднократно высказывалось мнение, что существование параллельно с некоторыми из рассматриваемых слов обычных производных прилагательных якобы исключает необходимость «в ка-

кой-то иной, необычной для русского языка категории несклоняемых прилагательных» (ср. Молотков, 1960).

В русском языке постоянно возрастает число неизменяемых прилагательных как специализированных определителей сортов, марок, разновидностей каких-то предметов. Этому содействуют социальные причины: общественный прогресс, широкое развитие торговых сношений и т. д. Большинство этих слов принадлежит узким и специализированным речевым сферам. Терминология, однако, оказывает в настоящее время сильное влияние на общелитературный язык и общий процент специальных слов в общелитературном употреблении значительно повышается. Некоторые из них значительно расширяют свою употребительность и сочетаемость. Таковы, например, слова *пик*, *экспресс* современное употребление которых явно перекрывает и первоначальную принадлежность к числу специфических транспортных обозначений: *часы пик*, *дни пик*, *экспресс-информация*, *экспресс-анализ*. То же самое относится к словам *люкс* и *модэрн*: *номер люкс*, *магазин люкс*, *причёска модэрн*, *платье модэрн*, *мебель модэрн* и т. д.

Разбираемые несклоняемые определители представлены в качестве заимствованных слов. Нельзя сказать, что они образуют особый грамматический класс. Заимствованные слова, если они функционируют еще недостаточно широко (пока в специализированных, профессиональных областях речи), обнаруживают черты и фактической, и грамматической исключительности, неосвоенности (ср. Морфология, 1968, 110).

Иноязычные неизменяемые прилагательные относятся к тому же периоду, как и основная масса иноязычных несклоняемых существительных, главным образом, к XIX и XX в. По Е. И. Мельникову (1954), многие из интересующих нас слов или интересующие нас значения слов отсутствуют в словарях XIX в. Однако в литературе они засвидетельствованы, значит, целый ряд из них был в языке общества.

Неизменяемые (аналитические) прилагательные иноязычного происхождения имеются и в других современных славянских языках. В чешском встречаются, например, *ažur*, *běž*, *blond*, *bordó*, *fajn*, *fér*, *gala*, *glazé*, *kaput*, *khaki*, *lila*, *pepito*, *prima* и пр. Они встречаются, как правило, или в разговорном, или в нелитературном языке; изредка речь идет о специальных выражениях, ср. *brutto*, *netto* и пр. Эти слова могут, подобно как и в русском языке, в предложении выполнять все падежные функции прилагательных всех родов; их форма, конечно, не меняется (ср. *šátek z lila hedvábí*, *blond vlasy*, *hnědý pepito kabát*, *rukavice glazé*, *prima člověk*, *tenhle nápad byl úžasně prima*, *salám je z prima jakosti*, *měl khaki uniformu*, *khaki oblek*, *to je fajn člověk*, *bylo to moc fajn*, *fér hra*, *brutto váha*, *netto příjemy*). Таких слов в чешском языке по сравнению с русским гораздо меньше. В рамках морфологической адаптации оформляются некоторые из приведенных выражений структурным (адъективным) суффиксом. Таким образом, они получают характер склоняемых прилагательных, например, *fajnový* (*fajnová látka*, *fajnové chování*, *fajnový člověk*), *běžový* (*běžový oblek*, *běžové rukavice*), *pepito*

(*pepitový kostým*), *blondatý* (*blondatý kluk*), *lilový* (*lilové nebe*, *lilové šaty*), *férový* (*je to férový člověk*, *není to férové jednání*) и пр. (ср. МČ, 1986, 387; РМČ, 1995, 284).

В русском языке XX в. появились новые несклоняемые определители совершенно иного происхождения. Они выделились в качестве самостоятельных слов из состава частично сокращенных слов с существительными и сложных слов типа *профсоюзы*, *госбанк*, *педфак*, *плавбаза*. Т. наз. частично сокращенные слова (первая их часть – какое-либо усечение, вторая – полное слово, обычно существительное) приобрели в русском языке огромную продуктивность начиная с 20-х годов XX в.

Несклоняемые определители *проф-*, *пед-*, *гос-*, *плав-* ... объединились со словами *беж*, *до дизель*, *хинди* в класс аналитических определителей. Неизменяемые определители этого типа были распространены в разговорной, сниженной речи интеллигенции, но быстро были усвоены и в нейтральной литературной речи и даже за ее пределами, в самых разных социальных слоях. Многие исследователи считают их аналитическими прилагательными. Подобные определительные компоненты могут без сомнения восходить к заимствованиям типа *теле-*, *радио-*, *фото-*, *аэро-*, *гео-*, *гидро-*, *электро-*, *гелио-* (ср. *телепередача*, *радиомагазин*, *фотолаборатория*, *аэропорт*, *геоботаника*, *гелиометр*, *гидроэлектростанция*, *электроэнергия*). Они являются несклоняемыми определителями, своеобразными «прилагательными морфемами», которые зачастую имеют возможность превратиться и превращаться в слова. По своему происхождению это корневые заимствованные элементы, отвлеченные из состава заимствованных слов; в языке они получили самостоятельное функционирование. Отвлечение подобных элементов из состава заимствований и возможность появления новых соединений – процесс, как известно, давний и исторически закономерный. В современном языке он заметно активизируется по мере накоплений в языке одноструктурных единиц. Такого рода определители в настоящее время принадлежат к числу наиболее распространенных и очень активных элементов в формировании новых слов и выражений (ср. Бартошевич, 1979). Эти неизменяемые прилагательные «словосоставного» происхождения обычно соединяются сочинительной связью с другим прилагательным, определяющим то же существительное; они находятся обычно перед определяемым существительным, отделенные от него обычным прилагательным (ср. *электро-*, *радио-* и *телефонные линии*; *мото-* и *велосипедные гонки*; *авиа-* и *морские перевозки*). Наряду с разного рода новыми соединениями терминологического характера – обозначениями специальных технических явлений и понятий – возникает также масса соединений и нетерминологических (ср. *радиогазета*, *телезритель*). Это корневые заимствованные элементы, получившие в языке самостоятельное функционирование. Их семантическая и фонетическая самостоятельность слишком велика. Однако полной самостоятельности эти единицы не имеют: они могут относительно свободно перемещаться в предложении. Многие из

неизменяемых определителей этого типа имеют свое собственное ударение, менее сильное, чем у существительного – так же, как у большинства сочетаний прилагательных с существительными (нередко многими лингвистами указывается на то, что в сочетании типа *но́вый дом* ударно только существительное). Употребление описываемых прилагательных, происходящих из определительных компонентов сложных слов, чаще наблюдается в устной речи, чем в письменной.

Описываемая группа примыкающих определителей, как и весь класс аналитических (несклоняемых) прилагательных, находится еще в процессе развития, представляя во многих случаях факты скорее речевого плана, хотя речевое настойчиво кристаллизуется в языковое. Важно, однако, уже и сейчас определить и оценить возможность некоторых общих изменений в других звеньях морфологической системы. В частности, это касается действующей синтаксико-морфологической структуры выражения рода, поскольку в сочетании с такими прилагательными независимо от того, функционируют ли в качестве морфем или отдельных слов, существительные лишаются возможности обнаружить род в формах прилагательных.

Все упомянутые в нашей статье явления при условии дальнейшего достаточно большого их распространения могли бы свидетельствовать об определенных дальнейшей сдвигах в русской морфологической системе, о движении к аналитизму. Морфологическое развитие современного русского языка в сторону аналитизма осуществляется в тесном взаимодействии с другими процессами, протекающими и на других уровнях языка, в том числе, как и видно из вышесказанного, и словообразовательном.

ЛИТЕРАТУРА

- БАРТОШЕВИЧ, А.: *Об аналитических конструкциях в современном русском языке*. Studia Rossica Posnaniensia 10 (1978), s. 11–15.
- БАРТОШЕВИЧ, А.: *К вопросу о росте аналитизма в современном русском языке*. Acta Universitatis Lodzianis. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Seria I. 33 (1979), s. 31–34.
- БЕЛЬЧИКОВ, Ю. А.: *Русский литературный язык во второй половине XIX века*. Москва, «Наука», 1974.
- ВИНОГРАДОВ, В. В.: *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XVIII вв.* 2-е изд. Москва, Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938.
- ВИНОГРАДОВ, В. В.: *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва – Ленинград, «Учпедгиздат», 1947; 2-е изд. Москва, «Высшая школа», 1972.
- ГОРБАЧЕВИЧ, К. С.: *Нормы современного русского литературного языка*. Пособие для учителей. Изд. второе, исправленное и дополненное. Москва, «Просвещение», 1981.
- ГРАММАТИКА *современного русского литературного языка*. Москва, «Наука», 1970.
- КИМЯГАРОВА, Р. С.: *Типы и виды адаптаций заимствованной лексики в русском языке нового времени (XVIII-XX вв.)*. Вестник Московского университета, сер. 9 (филология), 1989, 6, с. 69–78.

- ЛЕКСИКА *русского литературного языка XIX – начала XX века*. Отв. ред. Ф. П. Филин. Москва, «Наука», 1981.
- КОНДРАШОВ, Н. А.: *Основные вопросы русского языка*. Книга для учителя. Москва, «Просвещение», 1985.
- МЕЛЬНИКОВ, Е. И.: *Неизменяемые прилагательные в русском языке*. *Slavia* 23 (1954), s. 562–567.
- МЕЛЬНИКОВ, Е. И.: *К вопросу о неизменяемых прилагательных в русском языке*. *Československá rusistika* 8 (1963), s. 83–85.
- МЕЛЬНИКОВ, Е. И.: *Иноязычные заимствования в русском языке, относящиеся к неизменяемым прилагательным*. *Československá rusistika* 23 (1978), s. 159–166.
- МОЛОТКОВ, А. И.: *Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных?* Вопросы языкознания 1960, 6, с. 68–73.
- МОРФОЛОГИЯ *и синтаксис современного русского литературного языка*. In: *Русский язык и советское общество*. Социолого-лингвистическое исследование. Под ред. М. В. Панова. Москва, «Наука», 1968, s. 105–134.
- ПАНОВ, М. Б.: *Об аналитических прилагательных*. In: *Фонетика. Фонология. Грамматика*. К семидесятилетию А. А. Реформатского. Москва, «Наука», 1971, с. 240–253.
- РУССКАЯ *грамматика I*. Москва, «Наука», 1980.
- ТИРАСПОЛЬСКИЙ, Г. И.: *Становится ли русский язык аналитическим?* Вопросы языкознания 1981, 6, с. 37–49.
- ШКЛЯРЕВСКИЙ, Г. И.: *История русского литературного языка (советский период)*. Цикл лекций. Харьков, «Вища школа», 1973.
- МČ = *Mluvnice češtiny 2. Tvarosloví*. Academia, Praha 1986.
- РМČ = *Přiruční mluvnice češtiny*. Nakladatelství Lidové noviny, Praha 1995.

NESKLONNÁ ADJEKTIVA CIZÍHO PŮVODU V SOUČASNÉ RUŠTINĚ

V dějinách ruského jazyka můžeme pozorovat řadu změn, které svědčí o vývoji jeho mluvnické soustavy. Jedním z úkazů, které jsou výsledkem působení vnitřních zákonitostí jazyka, je tendence k analytismu.

Směřování k analytismu se začalo projevovat od druhé poloviny 18. století a je charakteristickým rysem pro ruskou morfologii a syntax. Tento fenomén můžeme vysvětlit jako vliv analytických západoevropských jazyků a můžeme na něj pohlížet jako na jednu z forem internacionalizace, tj. sblížení ruštiny se západoevropskými jazyky.

Počínaje 70. léty 19. století se případy analytismu začaly projevovat mezi adjektivy. Patří sem některá označení barev (srov. *платье беж, костюм хаки*), druhy některých látek a textilních výrobků (srov. *белье трико, рубашка пикé, юбка клеш, воротник плиссé*), slova týkající se jídla (srov. *кофе мо́кко, соус томáт, филé сомé*), hudební výrazy (srov. *флэйта-пикколо, гамма соль-мажор, сонáта фа минор, концерт-гáла*), tiskařské termíny (srov. *кни́га ин-квóрто, кни́га ин-фóлио*), dále některé speciální a dílčí názvy (srov. *лотерея-аллэгри, цена брутто, магазин люкс, часы пик*). Tato skupina adjektiv představuje výsledek proniknutí do ruštiny řady vypůjček, a to zejména z francouzštiny (především starší vypůjčky) a angličtiny (převažují slova přejatá v novější době).

V současné ruštině se jeví jako velmi aktivní spojení částečně zkrácených slov se substantivy typu *профсоюзы, госбанк, нефдák, плавбáза* ... Mnozí badatelé považují morfémy *проф-, нед-, гос-, плав-* stejně jako *теле-, радио-, фото-, аэро-, гидро-, электро-, гелио-* (srov. *телепередáча, радиомагазин, фотолаборатория, аэропорт, гидроэлектростанция, гелиомётр*) za analytická adjektiva. Jsou to přeжатé kořeněné morfémy, které v jazyce získaly relativně samostatnou funkci.